

УНИВЕРСИТЕТ ВЪРХНА АНТРОПОЛОГИЧЕСКА ШКОЛА

В ПОИСКАХ СУЩНОСТИ

Сборник статей в честь 60-летия Н. Д. Руссева

*Под редакцией
М. Е. Ткачука и Г. Г. Атанасова*

Библиотека

КИШИНЕВ
2019

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

IN SEARCH OF THE ESSENCE

Essays in honour of Nicolai Russev
on the occasion of his 60th birthday

Edited by
M.E. Tkachuk and G.G. Atanasov

KISHINEV
2019

СОДЕРЖАНИЕ

AD GLORIAM

М. Е. Ткачук (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Дунайская элегия Руссева	13
В. Йотов, А. Минчев (<i>Варна, България</i>). Приятелски и колегиален поздрав към Николай Руссев	19
О. А. Довгополова (<i>Одесса, Украина</i>). «Гораздо сложнее было с живыми...»: История одного поселка на границе тектонических сдвигов цивилизаций	21
Список печатных трудов Н. Д. Руссева	25

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ БАЛКАН

А. Минчев (<i>Варна, България</i>). Елинистически фигурални лампи от античного светилище на нос Свети Атанас край Бяла, Варненско	35
А. Орачев (<i>Ахтопол, България</i>). Българският поведенчески стереотип — кимане с глава в знак на съгласие у гетите в <i>Tristia</i> на Овидий	43
В. Йотов (<i>Варна, България</i>). Античная печь III в. на мысе Св. Атанас, Варненская область, Болгария	55

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ У ГОРОЖАН И НОМАДОВ

С. Б. Сорочан (<i>Харьков, Украина</i>). Баптистерии раннесредневекового византийского Херсона: некоторые итоги изучения	67
М. М. Казанский (<i>Париж, Франция</i>). О «кочевнических юртах» на памятниках оседлого населения лесостепи (V—VIII вв.).	73

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

А. В. Кривенко (<i>Тирасполь, Молдова</i>), М. Н. Бутырский (<i>Москва, Россия</i>). Монеты Латинской и Византийской империй из находок на территории Пруто-Днестровья.	89
Н. А. Алексеенко (<i>Симферополь, Крым</i>), Л. В. Дергачёва (<i>Бухарест, Румыния</i>). Молдавская монета на территории средневековой Таврики (краткий обзор) . . .	97

МАТЕРИЯ ЗНАЧЕНИЙ

- М. М. Чореф** (*Нижневартовск, Россия*). К вопросу о датировании совместного правления Радамсадия и Рескупорида V 109
- С. В. Белецкий** (*Санкт-Петербург, Россия*). Новый тип древнерусского княжеского знака 119
- Й. Валериев** (*Бургас, Бългaрия*). Къснономадски пандантиви амулети от района на Долния Дунав 125

РЕЛИКТЫ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ

- Н. Н. Крадин** (*Владивосток, Россия*). Города в кочевых империях Внутренней Азии. 149
- М. В. Ельников** (*Запорожье, Украина*). Золотоордынское городище Конские Воды по письменным источникам, картографическим материалам и археологическим данным 171
- Л. Ф. Недашковский** (*Казань, Россия*). Остатки погребений, металлические, стеклянные и каменные изделия с Увецкого городища по архивным данным . . 191
- А. Н. Масловский** (*Азов, Россия*). Керамический комплекс как проявление культурного единства оседлого населения европейской части Золотой Орды. Краткий обзор. Общие и частности. 209

УКРАШЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ

- К. А. Руденко** (*Казань, Россия*). Золотые и серебряные браслеты XIII—XIV вв. из Булгарской области Золотой Орды: систематизация, атрибуция и датировка. . 239
- С. А. Фидельский** (*Тирасполь, Молдова*), **М. М. Чореф** (*Нижневартовск, Россия*). Бронзовое зеркало золотоордынского времени из окрестностей села Тея на левобережье Нижнего Днестра. 263
- М. В. Квитницкий** (*Тирасполь, Молдова*), **Н. П. Тельнов** (*Кишинёв, Молдова*), **С. Д. Лысенко** (*Киев, Украина*), **С. Н. Разумов**, **В. С. Синика** (*Тирасполь, Молдова*). Золотоордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре 275
- С. С. Рябцева** (†). О некоторых предметах декорировки костюма и украшениях конца XIII — начала XV вв., связанных с золотоордынской традицией 291

ИЗ КУЛЬТУРОЛОГИИ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ

- И. П. Возный** (*Черновцы, Украина*). Клинковое оружие XII—XV вв. с территории междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра 309
- Б. М. Боднарюк** (*Черновцы, Украина*). Молдо-валашский этнический субстрат в эпоху раннего средневековья: аспекты цивилизационной идентификации в осмыслении румынских историков XX века 331

ЛИЧНОСТИ И ОБРАЗЫ ЭПОХ

- О. М. Луговой (*Одесса, Украина*). Григорий Цамблак и первое упоминание о Хаджибее 341
- А. В. Федорук (*Черновцы, Украина*). «Искусный и очень опытный стратег»: военная деятельность Ивана Русина на службе царей Тырновской Болгарии (20—30-е гг. XIV в.) 349
- Пл. Павлов (*Велико-Търново, България*). За култа към св. Филотея Търновска в средновековна България и Влахия 361
- И. Ф. Грек (*Кишинёв, Молдова*). Рождение историка-болгариста и общественника . . 367

«ОСЕНЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»

- Г. Г. Атанасов, К. Р. Димов (*Силистра, България*). Отново за датировката и произхода на пафтите — *corrigenda et addenda* (По повод колекция в Дуловския музей от с. Окорш, Силистренско) 377
- А. В. Красножон (*Одесса, Украина*). Замок Хаджибей: история исследований, датировки, локализация 395
- А. В. Балух (*Черновцы, Украина*). Влияние польско-турецкого соперничества второй половины XVII в. на военно-политическую ситуацию в Карпато-Днестровском регионе 413

К ОСМЫСЛЕНИЮ ТЕОРИЙ И ЗАБЛУЖДЕНИЙ

- В. П. Кирилко (*Симферополь, Крым*). Терминологический аспект в изучении одоннефных храмов средневекового Крыма 427
- Б. Д. Борисов (*Велико-Търново, България*). Проблемът за средновековните сезонни селища от територията на дн. Югоизточна България (трансхуманс или номадизъм) 449
- В. Л. Мыц (*Санкт-Петербург, Россия*). Мнимое княжество Киркельское в Юго-Западном Крыму XIII—XV вв. 467
- Список сокращений. 475

CONTENTS

AD GLORIAM

M.E. Tkachuk (<i>Kishinev, Moldova</i>). Russev's Danubian Elegy	13
V. Yotov, A. Minchev (<i>Varna, Bulgaria</i>). Greetings to Nikolai Russev from Friends and Colleagues	19
O.A. Dovgopolova (<i>Odessa, Ukraine</i>). "Those alive were much harder to deal with...": history of a settlement on the border between tectonic shifts of civilizations	21
List of Published Scientific Works by N.D. Russev	25

CLASSICAL MOTIVES OF BALKANS

A. Minchev (<i>Varna, Bulgaria</i>). Hellenistic Plastic Lamps from the Ancient Sanctuary at Sveti Atanas Cape near Byala, Varna Region	35
A. Orachev (<i>Ahtopol, Bulgaria</i>). The Bulgarian Behavioral Stereotype, Head Nodding Used by the Getae as a Sign of Consent in Ovid's Tristia	43
V. Yotov (<i>Varna, Bulgaria</i>). Antique Kiln of 3rd Century on Sveti Atanas Cape, Varna Region, Bulgaria	55

EARLY MIDDLE AGES AT BURGHERS AND NOMADS

S.B. Sorochan (<i>Kharkiv, Ukraine</i>). Baptisteries of the Early Medieval Byzantine Cherson: some results of study	67
M.M. Kazanski (<i>Paris, France</i>). On the "Nomadic Yurts" on the Sites of the Settled Population of the Forest-steppe (5th—8th Centuries)	73

NUMISMATICAL SKETCHES

A.V. Crivenco (<i>Tiraspol, Moldova</i>), M.N. Butyrsky (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Coins of the Latin and the Byzantine Empires by the Finds on the Territory of Prut-Dniester Region	89
N.A. Alekseienko (<i>Simferopol, Crimea</i>), L.V. Dergacheva (<i>Bucharest, Romania</i>). The Moldovan Currency Discovered in Medieval Taurica (short overview)	97

MATTER OF MEANINGS

- M.M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **On Dating of the Joint Rule of Rhadamsades and Rhescuporis V** 109
- S. V. Beletsky** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **New Type of the Old Russian Princely Token** 119
- I. Valeriev** (*Burgas, Bulgaria*). **Late Nomadic Pendent Amulets from the Lower Danube** . 125

RELICS OF THE STEPPE EURASIA

- N. N. Kradin** (*Vladivostok, Russian Federation*). **Cities in Nomadic Empires of Inner Asia** 149
- M. V. Elnikov** (*Zaporizhzhia, Ukraine*). **Golden Horde Hillfort Konskie Vody by Written Sources, Cartographic Materials and Archaeological Data** 171
- L. F. Nedashkovsky** (*Kazan, Russian Federation*). **The Remains of Burials, Metal, Glass and Stone Wares from the Uvek Hillfort by Archival Materials** 191
- A. N. Maslovskiy** (*Azov, Russian Federation*). **Ceramic Complex as a Sign of Cultural Unity of Settled Population of Golden Horde. Brief review. Common and particular** . . 209

DECORATIONS OF THE GOLDEN HORDE TIME

- K. A. Rudenko** (*Kazan, Russian Federation*). **Gold and Silver Bracelets of the 13th—14th Centuries from the Bulgar Region of the Golden Horde: systematization, attribution and dating** 239
- S. A. Fidelski** (*Tiraspol, Moldova*), **M. M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **A Bronze Mirror of the Golden Horde Time from the Outskirts of the Teia Village on the Left Bank of the Lower Dniester** 263
- M. V. Kvitnytskyi** (*Tiraspol, Moldova*), **N. P. Telnov** (*Kishinev, Moldova*), **S. D. Lysenko** (*Kiev, Ukraine*), **S. N. Razumov**, **V. S. Sinika** (*Tiraspol, Moldova*). **Golden Horde Grave with a Mirror with the Image of Sphinxes in the Lower Dniester Region** 275
- S. S. Ryabtseva** (†). **On Some Elements of Costume Decoration and Adornments of the Late 13th — Early 15th Centuries Associated with the Golden Horde Tradition** . . 291

PAGES FROM THE CULTUROLOGY OF THE CARPATHIAN-DNIESTER LANDS

- I. P. Vozny** (*Chernivtsi, Ukraine*). **The Blade Weapon of the 12th—15th Centuries from the Territory between the Upper Prut and the Middle Dniester** 309
- B. M. Bodnariuk** (*Chernivtsi, Ukraine*). **Moldo-Wallachian Ethnic Substrate in the Early Middle Ages: aspects of civilization identification as understood by the Romanian historians of the 20th century** 331

PERSONS AND IMAGES OF THE TIME

O.M. Lugovyi (<i>Odessa, Ukraine</i>). Grigorij Tsamblak and the First Record of Khadjibey	341
A. V. Fedoruk (<i>Chernivtsi, Ukraine</i>). “A Skilled and Very Experienced Strategist”: Military Activities of Ivan Rusin in the Service of the Tsars of Tarnovo Bulgaria (20—30s years of the 14th century)	349
Pl. Pavlov (<i>Veliko Tarnovo, Bulgaria</i>). The Cult of St. Phylotea of Tarnovo in Medieval Bulgaria and Wallachia	361
I. F. Grek (<i>Kishinev, Moldova</i>). Birth of a Historian-Bulgarist and Social Activist	367

“THE AUTUMN OF THE MIDDLE AGES”

G. G. Atanasov, K. R. Dimov (<i>Silistra, Bulgaria</i>). Once Again about the Dating and Origin of the Clasps Called Pafta — corrigenda et addenda (On the occasion of the collection in the museum of Dulovo, found in the area of Okorsh, Silistra region) . . .	377
A. V. Krasnozhon (<i>Odessa, Ukraine</i>). The Khadzhibey Castle: History of Research, Dating, Localization	395
O. V. Balukh (<i>Chernivtsi, Ukraine</i>). The Influence of the Polish-Turkish Rivalry in the Second Half of the 17th Century on the Military and Political Situation in the Carpathian-Dniester Region	413

UNDERSTANDING THEORIES AND DELUSIONS

V. P. Kirilko (<i>Simferopol, Crimea</i>). Terminological Aspect in Studies of Single-Nave Basilicas in the Medieval Crimea	427
B. D. Borisov (<i>Veliko Tarnovo, Bulgaria</i>). The Problem of the Seasonal Settlements on the Territory of Today’s South-Eastern Bulgaria (Transhumance or Nomadism)	449
V. L. Mytz (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). The Imaginary <i>Kirkel</i> Principality in South-Western Crimea (13th—15th Centuries)	467
Abbreviations	475

М.Е. Ткачук

Дунайская элегия Руссева

Известна мысль о том, что всякий писатель, о чем бы он ни брался писать, в конечном счете, пишет о себе. К историкам это наблюдение применимо в самых редких, исключительных обстоятельствах. Не то чтобы мы в этих случаях говорили о какой-то специальной профессиональной высоте. Это речь не об уровне, не о компетенции.

История как знание, как наука, как дисциплина, в отличие от художественной литературы, заключена в куда более жесткие границы канона. Неважно, как эти процедурные, технологические требования к исследованию выглядят. Важно, что они просто есть. И это почти исключает всякую возможность увидеть за результатами исследования — самого автора. Не просто поймать авторский стиль, узнаваемую манеру изложения, а заглянуть глубже — в неосвещенное нутро мотивов историка, заставляющих видеть прошлое так или иначе, обращаться именно к этим темам, а не к иным, раскрывать их тем способом, а не иным.

Вряд ли писательский вклад будет оценен, если автор ограничится устным сообщением о придуманном им оригинальном сюжете, неожиданных и нетипичных героях, на пальцах объясняя, как будет это все выглядеть в ипостаси художественных образов. Историк же просто может найти нужный ему источник в архиве, иначе сопоставить факты, заполнить прореху в череде событий, сделать про это короткий научный доклад, минут на пять — и все! Даже, быть может, и статьи никакой научной писать про это не будет. Как это ни странно, текст как продукт далеко не обязателен.

И только в самых редчайших обстоятельствах мы от историка ждем именно текста, специального эксклюзивного блюда, в котором заранее важно и одновременно непредсказуемо всё — и сама поставленная проблема,

и найденные на самом видном месте источники, и способ такого диалога с ними, будто они сами обо всем повествуют, говорят. Говорят ясно, отчетливо, о чем-то самом сокровенном, что именно в этот момент так важно лично для тебя. И пусть ты как исследователь занят совершенно иными эпохами и вопросами, это совершенно не важно. Как неважно, когда ты хватаешь с полки роман или сборник рассказов, написанных из совсем других времен или мест.

В этом смысле историку рассказать какую-то историю многократно сложнее, чем писателю. Когда это не удастся, то получают статьи и монографии. Когда это удастся, то получают книги. Понимаете, такие книги с затрепанными корешками и форзацами, с именами узнаваемых авторов, которые становятся столь же добрыми и надежными друзьями, как рассказы Хемингуэя или Паустовского, романы Маркеса или Платонова. Этакie тексты-медиумы — между тобой и не тобой, которые всегда под рукой, на которых можно положиться. Их можно открывать в любом месте, читать из середины, читать лежа, волнуясь, вскакивать с кровати в поисках сигарет, загибать страницу и записать, в конце концов, на каком-нибудь дрянном листике очень важную мысль, которая не имеет к прочитанному никакого отношения. Почти nonfiction, но в котором иллюстрации из диаграмм, портретов, корреляционных таблиц, схем, карт, ссылок являются не только ожидаемыми, но и необходимыми усилителями привкуса времени, как добрая специя в восточном блюде, как точная гарантия достоверности.

...Мы познакомились 35 лет назад. В Старом Орхее. Я только-только сдал летнюю сессию, ухитрившись сделать это на месяц раньше сокурсников. Именно благодаря этому обстоятельству я успел к началу открытия летнего сезона Славяно-молдавской археоло-

гической экспедиции. А ее начальник — теперь уже легендарный Павел Петрович Бырня — принял меня на работу не каким-то там рабочим раскопа, а целым лаборантом.

Ну а как он меня мог не принять? Шансов у него не было. Мне было почти 18 лет. Я был отличник. И это была уже моя третья экспедиция. Представляете, третья! То есть, я был уже, можно сказать, матерый полевик, умел зачищать раскоп, ловить пятна, расчищать ямы и погребения. Примерно так я о себе думал. О чем с вызовом и растолковал своему будущему начальнику. Я тогда, конечно же, не предполагал, что всю жизнь буду ему благодарен не только за все 16 лет совместной работы, но в первую очередь за то, что он тогда просто не выпер меня из кабинета. Бырня сделал глубокий вдох, снял очки и на выдохе спокойненько так ответил: «Выезжаем через два часа. Вернешься в Кишинев в лучшем случае через два месяца. И то — на пару дней. Мигом за паспортом и рюкзаком. Ждать не будем».

И вот мы уже в Требуженах. Тентованный ГАЗ-54 виртуозно влетает в узкие каменные ворота церковного двора, где располагалась экспедиция. Всё происходит стремительно. Пяти минут не прошло, а битком набитый грузовик уже разгружен. Пирамида выючных ящиков, палаток, спальных мешков, картонных коробок с консервами и подсолнечным маслом — всё это только-только выросло прямо в центре экспедиционного двора и тут же

разносится по разнообразным сусекам многочисленными обитателями лагеря. Организовано. Слаженно. Мой первый новый приятель — будущий друг и коллега на всю жизнь Роман Рабинович — пользуясь случившимся преимуществом, знакомит меня со всеми остальными.

— А вот это одесский историк Николай Руссев! — сказал он.

Рабинович сказал именно так. Не школьный учитель из Одессы. Не археолог, проработавший уже с десятком полевых сезонов в разных причерноморских экспедициях, но остающийся обычным преподавателем истории. Историк!

Историк Руссев, кажется, был единственным человеком, который, в отличие от остальных, не суетился, не хватал под руки ящики и тюки. Он стоял неподалеку и грыз семечки, сосредоточенно перебирая указательным пальцем мелкие черные зерна на широкой ладони.

Массивный, широкоплечий, ужасный. Все лицо исцарапано глубокими бороздами со следами спекшегося йода. Руки до локтей в ссадинах и столь же безжалостных царапинах и ушибах. Надорванные джинсы были прикрыты стильными латками, вырезанными в форме греческих амфор. Но было ясно, что маскируют они не просто разрывы ткани, а последствия какого-то случившегося поединка. Весь вид этого одесского историка свидетельствовал о том, что мы ничего не зна-

ем о фауне Оргеевских Кодр. Ведь так мог выглядеть только человек, недавно сразившийся с каким-то реликтовым хищником — медведем или рысью.

Историк Руссев отряхнул ладони. Подошел. Улыбнулся.

— Пацаны, отойдите, — сказал он. Крякнул. И легко взвалил на себя 40-литровую флягу с ацетоном.

— Это он с велосипеда упал, — объяснил Рабинович. — Катился под горку, цепь слетела. Скорость сумасшедшая. Пришлось ногу в спицы совать. Велосипед в узелок. А Руссев — спасся.

Прошла неделя-другая налаженной экспедиционной жизни. Почти всё так же, как везде, в других экспедициях. Чуть больше дисциплины и порядка. Но сам порядок примерно одинаковый. Ранний подъем, завтрак, по машинам, часов семь на раскопе, обратно в лагерь, обед, сиеста в палатке или где-нибудь в тени часа на полтора, потом шифровка и описание находок, ужин, пара часов на неторопливый треп на кухне за чаем, отбой.

Этой привычной картине не соответствовал только Руссев. Никакого сладкого и заслуженного послеобеденного отдыха. Стол и стул под абрикосом. Стопка книг. Ворох бумаг. Руссев пишет. Сосредоточенно. Неторопливо. День за днем. Откладывая заполненные красивым почерком страницы в толстеющую на глазах папку. В этот момент он был похож на кого угодно, но только не на историка и не на археолога. Он пишет почти набело, без стопки картотечных шпаргалок. Так пишут либо письма, либо романы. Но только не научные статьи. Так мне тогда казалось.

— Николай Дмитриевич, а Вы ссылок, что ли, совсем не делаете? На библиографию? На источники? — спрашивал я, полагая, что как бы знаю, как именно следует писать зубодробительные, непроизносимые вслух научные тексты.

— Сноски? Ссылки? Потом вставлю. В Одессе. На это там у меня времени хватит. А вот написать осмысленную историю там не получится.

— Можно почитать?

— Нет. Закончу. Тогда — да. Вот можешь взять мою недавнюю статью. — Он протянул такой пухлый коричневый сборник.

«О западных пределах Золотой Орды» — так называлась статья. Я посмотрел на дату выхода сборника, прибавил еще пару лет. Получалось, что Николай Руссев написал ее

чуть ли не в моем возрасте, будучи студентом.

— Ну да, на третьем курсе написал, — ответил он.

Когда ты точно знаешь, кем собираешься быть, ты ревниво следишь за успехами своих сверстников на том же поприще. И, увы, далеко не всегда глубокий интерес к предмету заставляет тебя читать их научные тексты. Порой ты просто сравниваешь себя, свою оптику и навыки с теми, на кого равняешься, кого хочешь опередить. И пусть совершенно глупо и бессмысленно само это соревнование, но я в нем тогда, кажется, участвовал. И наличие настоящих научных публикаций вот в таких толстых, ротапринтных сборниках со скучными и длинными названиями — было твердым критерием яркого успеха. Меня совершенно не интересовала история и археология «Золотой Орды», я занимался славянами, но я взялся читать статью. Нет, не Руссева, а почти своего сверстника. Чего это он там тогда написал?

Я теперь совершенно убежден, что эта небольшая статья принципиально развернула мое формирующееся исследовательское видение. И дело не в том, что с этого момента я стал внимательнее относиться к событиям и реалиям XIII—XIV веков. Хотя это тоже было. Спустя пару месяцев я отважился и написал длинный текст, посвященный этому времени: «О причинах образования золотоордынских городов в Днестровско-Прутском междуречье». Так он назывался. А мысль была проста, хотя и банальна в каком-то смысле. Мол, к первым десятилетиям XIV века Орда уже была не способна на экспансию, на дальнейшее расширение. Равновесие Востока и Запада привело к кратковременному изменению инструментов ордынского влияния. Торговля — вместо завоевания, вынос городов к западным пределам — вместо военных контингентов. Говоря современным языком, ассоциированное партнерство — вместо полноправного членства, глубокая и свободная торговля как «мягкая сила» и способ удерживать восточные Балканы в «узде».

Но обаяние этой ранней публикации Руссева состояла в ином. В том, что потом станет его фирменным стилем на многие десятилетия вперед.

Композиция любой научной публикации на стыке письменных и археологических источников до сих пор напоминает заключение медицинского консилиума. Чего-то там вначале про историю болезни, потом — анализы, потом про заключение профильных специали-

стов и, наконец, диагноз. Иными словами — беглый анализ историографии, потом столь же лоскутная презентация письменных источников, дальше — описательное, не структурированное изложение археологических данных, скромный вывод, сделанный под местоимением «мы» и украшение в виде заглавия, начинающегося с известного «К вопросу о...». При этом письменные свидетельства всегда воспринимаются в качестве своеобразных источников прямого действия — однозначных и основных, а археологические — некая вспомогательная, второстепенная иллюстрация.

Для Руссева все иначе. Сначала ставится вопрос, то есть проблема! Перед лицом новой задачи все источники — и письменные, и археологические — равны в своей непроницаемости. Их содержание может быть сколь угодно очевидным ровно до тех пор, пока ты их ни о чем не спрашиваешь. Этакое банальности, нанизанные на исследовательскую эрудицию и любопытство.

А вот спрашивать — означает совершить над источниками некое упорядочение — контент-анализ, картографию находок, их корреляцию, наложить одну картину на другую и получить вывод, который будто возникает сам по себе, непринужденно, как некий диалог между письменными и археологическими данными. Сейчас — это уже классическая процедура работы с источниками. Ею с особым мастерством пользовались такие классики, как Марк Борисович Щукин или Дмитрий Алексеевич Мачинский, создавшие не только серию строгих реконструкций событий скифского, предримского, римского и средневекового периода в Центральной и Восточной Европе, а ряд ярчайших образов этих эпох. Образов, которые, скорее, по жанру тяготеют к исследовательским романам, нежели к монографиям. И вовсе не в смысле неряшливости исполнения научной процедуры, некой литературщины, а в смысле эстетического эффекта представленных многомерных событийных картин древности. Они впечатляют.

Именно тогда, в далеком 1984 году, я ощутил, что живу не просто в Молдавии, не в каком-то Днестровско-Прутском междуречье, а на самом стыке Азии и Европы, у западных пределов Великой Империи Древности. На восточной окраине Запада. Метафора пульсирующего пограничья между глобальными мирами древности, а не просто банальной контактной зоны, навсегда поселился в моем мозгу. Пограничья, в котором Нижний Дунай окажется вечным Стиксом между верхом и низом евразийских столкновений,

инверсий, местом регулярных и несанкционированных переходов inferнальных племен и народов варварского мира в витальное подбрюшье коллективного Запада. А поводом к этому была всего-то впервые представленная Руссевым картография золотоордынских кладов, которая ясно отбивала западные границы политического господства Улуса Джучи. Всё это было на поверхности. Но до него этого никто не делал. Не видел.

Но вместе с этим поселится почти подростковая, имитационная страсть стать не просто археологом, а археологом, способным быть вот таким рассказчиком, уметь не цитировать, а общаться с источниками, строить канву исследования не по принципу экспертного заключения, а драматургического повествования. Таким образом, чтобы внимание читателя не ослабевало, чтобы внутри сугубо научной презентации разворачивался волнующий и далеко не только детективный сюжет. И не во имя каких-то там стилистических красот и натужной публицистичности, а потому, что именно такой видится событийная история, в такие непредсказуемые узлы действительно, по правде завязываются судьбы отдельных персон и народов. Нужно просто научиться такое видеть, находить и описывать. Тогда, в 1984 году, почитывая рукописи 26-летнего Николая Руссева, общаясь с ним, я понял, что писательство — это не то, что разделяет призвание историка и литератора. Это то, что их объединяет. Один открывает часто нелюбимую прошлую реальность, другой открывает и демонстрирует порой отвратительные глубины собственной души. В обоих случаях факт открытия обязателен. Открытие — и критерий таланта, и профессионализма. Придумывание и подделки — и там, и там — не работают в равной степени.

Все статьи и книги Руссева читаются именно так — на одном дыхании. Возможно, оттого, что подобным образом и пишутся. Сноски и ссылки он и сейчас оставляет на потом, скрупулезно ввинчивая их в текст так, чтобы не пострадала сюжетная линия, чтобы не перегружалась ритуальными кивками на авторитеты. И событийную антологию первых пяти-шести веков второго тысячелетия на пространных от Крыма до Велико-Тырново, от Клузы до Белгорода-Днестровского уже невозможно представить без собственно руссевского рассказа о них.

Где еще можно прочитать об удивительной, полной авторских ностальгических реплик, дунайской эпопее князя Святослава, для которого возвращение в Киев было попро-

сту невозможным, а желание княжить в Переяславце на Дунае — осталось несбыточной мечтой. В таких категориях и в таких сопоставлениях до зубной боли известные источники еще не общались друг с другом. И полная конфликтов, войн, предательств и смертей хрестоматийная история обретает измерение совершенной иной реконструкции — сложных, взаимоисключающих психологических мотивов, которые владели мятущейся душой тридцатилетнего князя. В итоге совершившего предсказуемое самоубийство, осознанно двинувшись навстречу безоговорочной гибели у днепровских порогов.

Сейчас трудно представить нашу историю без проницательной и волнующей реконструкции вселенского мора — пандемии чумы, «черной смерти», — погнавшей ханов Золотой Орды далеко на Запад, в безлюдные молдавские Кодры. Именно тут, на берегах Реута, на непродолжительное время возводится новая столица ордынской империи. Строятся капитальные сооружения — бани, караван-сарай, водопроводы, мазары. Именно тут, в Шехр аль-Джедиде — нынешнем Старом Орхее — строится самая большая мечеть между Дунаем и Иртышом, руины которой можно еще рассмотреть в густой и высокой траве.

Без Руссева трудно опознается в истории молдавской государственности в качестве «своего и родного» социальное, культурное и политическое наследие, оставленное монголо-татарами центральной Молдовы. Как всё это наследие гармонично вписалось в институты ранней молдавской государственности? Каков его вклад в то территориальное образование, которое еще долго будет называться «южным краем» или «Цара де Жос» молдавского княжества? Погребение господаря Богдана в Радауцах, княжеский перстенъ с арабской надписью «Аллах» — ключи не только к переводу со славянского на арабский имени господаря, но и обратный перевод той сложной, непонятной, но явно бесконфликтной картины вращающегося ордынского наследия в фундамент принципиально новой политической конструкции.

От Святослава до Стефана Великого — сотни и сотни публикаций Николая Руссева, образующих витиеватую фабулу смены героев, государств, населения, языков, религий — на всё той же вечной границе «миров и эпох». На той самой границе, где и Николаю Руссеvu в печальный момент крушения границ и эпох пришлось сделать свой цивилизационный выбор.

В июльские дни приднестровский войны его призвали доказать свою верность недавно обретенному молдавскому гражданству с оружием в руках. Призывной пункт под Бендерами. Канонада. Вокруг носилки с ранеными, окровавленные бинты. Руссев отказывается брать автомат из щедрых рук организаторов братоубийственной бойни. Он вновь сует ногу в спицы летящего в пропасть велосипеда. Демонстративно разворачивается и бредет пешком обратно, в Кишинев. Истеричные команды немедленно остановиться. Выстрелы в воздух. Никакого впечатления. Руссев уходит с войны. Проявляя редчайшую для тех дней смелость и гражданское мужество.

Спустя лет семь-восемь Руссев — уже профессор Высшей антропологической школы — озадачен новым профессиональным искушением. Он читает курс истории цивилизаций. Он ровным счетом недоволен ни одним из существующих определений «цивилизации». Ни академический, ни житейский опыт не позволяли ему с легким сердцем принять ни одно из них в качестве наиболее полного и адекватного. О чем он, собственно, искренне и жаловался студентам ВАША. Пока сама судьба не подбросила ему самый оригинальный ответ.

Мы вместе ехали в Санкт-Петербург, в Институт истории материальной культуры. Там должен был состояться большой и серьезный доклад Профессора Руссева. Про собственноручный доклад Руссев совершенно не беспокоился. Он был написан давно. А вот ко всему тому, что должно было последовать после доклада, Руссев самозабвенно готовился все последние дни. Он приобрел две гигантские канистры какого-то чрезвычайно благородного коньяка, батарею марочных вин, всякие специальные соленья и мясные копчености, которыми славятся болгарские селенья Южной Бессарабии. Вне всякого сомнения, доклад мог стать одним из самых выдающихся интеллектуальных событий Санкт-Петербурга. Понимая, что всё это невозможно провезти через Приднестровье, Украину и Беларусь легальным путем, мы заблаговременно упаковали это в некий контейнер, который был сдан в почтовый вагон с эффектной надписью «Книги. Дарение в СПб-РАН». Книги там действительно были. И занимали почти половину объема всего контейнера. Это были недавно вышедшие номера нашего журнала STRATUM. То есть всё было почестному. Точнее, почти почестному.

Мы с легкостью миновали Приднестровье. На контейнер не обратили никакого внимания

и украинские таможенники. И вот мы, наконец, проходим проверку на белорусской станции Мозырь. Тишина. И вот — поезд трогается, движется вдоль перрона! Нас пропустили! Мы с Руссевым ликуем. Но ровно до того момента, пока не увидели на проплывающем мимо нас перроне распотрошенный контейнер, стопки нашего журнала и разоблаченные канистры с коньяком.

Входит проводник. Садится рядом. Тяжело вздыхает. В этот трагический момент он с нами. Он разделяет нашу скорбь.

— Не получилось, — грустно отмечает он. А потом порывисто встает и надрывным рыком народного трибуна заявляет: — Да что это такое? Понастроили границ! Понапридумывали всяких таможенников! Разве это цивилизация? Какая же это цивилизация? Нет! Это — не цивилизация!

— Ну и что такое цивилизация? — не поднимая глаз, вполголоса спрашивает Руссев.

— Как, и Вы не знаете? Цивилизация — это, когда можно договориться! — победно заключает проводник.

С тех пор это определение цивилизации стало базовым для студентов Высшей Антропологической Школы. И оно очень долгое время доказывало свое конкретное, практическое преимущество в сравнении с сотней иных дефиниций. Не исключая, что оно со временем попадет в официальную академическую номенклатуру культурологических категорий.

В любой иной стране, кроме Молдавии, Николай Дмитриевич Руссев давным-давно был бы признан выдающимся современником, таким Жаком Ле Гоффом Балкан, свое-

образным Николаем Йорга Подунавья и Поднестровья, живым и неунывающим хронистом, хранителем и в определенном смысле очевидцем полутысячелетней истории региона. Истории, которую тут умеет рассказывать, к огромному сожалению, лишь он один. Истории, которую он ежедневно пишет, но которую ему уже почти некому рассказывать. Тут исчезает само историческое действие. Тут не нуждаются более в рассказчиках. Тут не искушаются примерами прошлого. Не анализируют ошибки, не чтят имена. Пограничье миров и эпох вновь превращается в пустыню. Интеллектуальную и человеческую.

Да, по ту сторону Дуная, в той же Болгарии, которая сейчас Евросоюз и Запад, профессора Николая Руссева воспринимают иначе. Там он классик. Несомненно. Но писать и жить он продолжает тут. Потому, что пишет о себе, питая свое аналитическое вдохновение из беспримерной картины разворачивающейся драмы, которой всякий раз находят новые и убедительные аналогии. Было по всякому. Значит, и будет по-всякому. Такова канва. Таков сюжет. Такова, наконец, интрига!

Настоящий историк всегда пишет о себе. Иногда ему становится тесно и душно даже в широком пространстве исторического повествования. И тогда получают стихи. Хорошие стихи. Как вот это поэтическое признание ещё юного и никому не известного Николая Руссева:

В запале говорим о вдохновенье
И с кулаками прём на подлецов.
Интеллигенты в первом поколеньи
С замашками колхозников-отцов.

Mark Tkachuk (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University¹.

Ткачук Марк Евгеньевич (Кишинёв, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: m66.tkachuk@gmail.com

Address: ¹ N. Iorga St., 5, Kishinev, MD-2009, Moldova